

Лекция 1

Социология и повседневность

2. Методы исследования повседневности

Тема повседневности прочно вошла в сферу современного научного интереса и уже успела обрести собственную традицию, стали появляться исследования по проблемам бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи, философскому осмыслению обыденности. Большинство социологов феноменологической ориентации занимаются изучением повседневности. В традиции лингвистического анализа Л. Витгенштейн обратился к обыденному языку, вернув ему самостоятельное значение. Во французском структурализме исследования Р. Барта по мифологии обыденной жизни, с нашей точки зрения, представляют определенный интерес.

Изучение повседневности вводит культурно-исторические явления в проблемное поле науки. Очень долгое время отечественная наука не учитывала этот аспект, уделяя основное внимание материальным или духовным ценностям. Но реальное Бытие пронизано человеческой телесностью, его поведением, бытовой сферой. Человек строит свою реальную жизнь, “вписывая” свое тело в господствующие нормы и правила, стремясь соответствовать идеальным канонам. Каждая историческая эпоха формирует свои каноны, свою символику правил человеческого поведения, подчеркивая эти символические принципы запретами и разрешениями, устанавливая границу между нормой и патологией человеческого существования.

Изучение проблем повседневности требует от исследователя привлечения разнообразных методологических принципов. В современном проблемном поле науки все чаще и чаще на первый план выходят проблемы, которые требуют междисциплинарных исследований. Создавая схемы понимания повседневности, исследователь включается в диалог гуманитарных и естественных наук. Именно такой подход позволяет осуществить “прочтение” структур повседневности. Научные методы очень часто опираются именно на ту реальность, в которой находится сам исследователь, поэтому они

неразрывно связаны между собой. Изучение повседневности позволяет взглянуть на систему культурного развития в ее эволюции.

Поведение, нормы, ценности тех или иных социокультурных групп — все, что включает в себя понятие повседневность, — иногда представляются необычными для посторонних наблюдателей. Но эти “странности” могут говорить о важных моментах жизнедеятельности общества, его глубинных аксиологических процессах.

Культуры формируют разнообразные тексты поведения людей. В социокультурных системах вырабатываются и функционируют сложные стандарты жизнедеятельности. Они охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в особых символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения и т.д. Поведение достаточно точно отражает специфику конкретной исторической эпохи и происходящие в ней изменения. Оно, сформировавшись на основе ценностно-нормативных систем, выступает как “ключ” к прочтению смысла конкретной исторической эпохи. При изучении поведения необходимо учитывать тот факт, что чем сложнее система, тем большее место в ее жизнедеятельности занимает самоорганизация и саморегуляция деятельности ее членов.

Анализируя историко-культурный процесс, мы сталкиваемся с калейдоскопом поведенческих правил, которые определяют взаимоотношения старших и младших, мужчин и женщин, правителей и подданных. Каждая историческая эпоха формирует свои доминирующие модели поведения. Что для одной эпохи было несущественно, в другой период могло восприниматься, как символический жест или поступок. Так, например, в средневековой России простое прикосновение к постели правителя, воспринималось как глубочайшее оскорбление. Изучение поведенческих текстов позволяет проследить за происходившими изменениями в глубинных пластах культуры конкретной исторической эпохи. Изучая повседневность, через господствующие нормы поведения, мы воссоздаем неповторимый колорит прошедших эпох. Повседневность должна занять в процессе междисциплинарных исследований

подобающее место, поскольку это может помочь созданию реального представления о жизни людей в прошедшие эпохи, вместо идеальных схем.

"Повседневность является основой и необходимой предпосылкой исследований в социальных науках, но почти никогда не становится темой этих исследований"¹⁸. Занимаясь изучением повседневности, исследователь "ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь", — писала Н.Н. Козлова. Еще "понимающая социология" в лице М. Вебера, А. Шюца и других ученых, сформулировала в качестве базисной характеристики социального познания положение, согласно которому исследователь с необходимостью вовлечен в объект исследования и неотделим от него.

В поисках путей, позволяющих приблизиться к пониманию прошлого непосредственно через его субъекта и носителя — человека, наука рассматривает понятие "повседневная жизнь" в качестве интегративного метода познания, который предоставляет возможность реконструировать историческое бытие в его тотальности, осмыслить внутренние социальные, психологические связи, проступающие в реалиях повседневности. Среди методов изучения повседневности стоит отметить качественный анализ документов, *thick description*. Особое внимание при работе с текстом источника уделяется существительным, обозначающим бытовые реалии.

Круг источников для изучения повседневности весьма разнообразен.

I. Материалы, дающие сведения о реалиях культуры повседневности

1. Природные, градостроительные и др. источники — естественная и искусственно созданная среда обитания (рельеф, климат, флора, фауна, поселения разного типа, коммуникации).

2. Массовые (демографические) источники — документы, регистрирующие рождение, браки, разводы, смерть; удостоверения личности разного рода, членские билеты и др.

3. Вещественные источники — здания (внешний вид, планировка помещений), мебель, предметы убранства интерьера, посуда, одежда, бытовые вещи, детские игрушки (зачастую представляют реалии "взрослой жизни", не дошедшие в оригинале).

4. Изобразительные источники — рисунок, живопись, гравюра, фотография, хроника, документальное кино, телевизионные программы.

5. Описи вещей, описания музейных коллекций и собраний, архитектурные проекты, планы городов, карты, официальные отчеты, статистика, материалы обществ и комиссий по изучению быта и т.д.

6. Объявления, афиши, обертки, театральные и концертные программы, плакаты, меню, открытки и т.д. (Данные объекты являются одновременно и вещественными источниками, и письменными).

7. Письменные источники. Нормативные издания и руководства, в т.ч. иллюстрированные (правила хорошего тона, объяснения правил разного рода игр, учебники, словари, письмовники, разговорники, сонники, кулинарные книги, модные журналы, каталоги и т.д.)

II. Материалы, представляющие наряду с реалиями культуры повседневный контекст их восприятия

1. Источники личного происхождения — дневники, переписка, мемуары.

2. Художественная литература.

3. Публицистика.

4. Пословицы, поговорки, анекдоты.

5. Карикатура.

6. Художественное кино.

Среди вышеперечисленных источников выделяются наиболее информативные, а встречаются и специально созданные для описания (фиксации) реалий повседневной жизни, например, дневниковые записи, письма. Назначение ведущихся изо дня в день записей различного содержания заключается в накоплении и сохранении информации для анализа ее в будущем. Исходя из этого, в разряд дневников включают также записные книжки, рабочие блокноты с записями, полевые книжки, календари с записями и пометками, алфавиты адресов и телефонов.

Н.Н. Козлова подчеркивала, что, по сравнению с письмами и воспоминаниями, дневниковые записи представляют собой более непосредственную форму самовыражения личности — в идеале наедине с

собой. Поверяя бумаге свои наблюдения, чувства, мысли, автор дневника обычно не предполагает постороннего читателя (автокоммуникация). Он как бы смотрится в зеркало, которое может отражать разное в зависимости от того, видит ли автор, прежде всего, "эпоху в себе" или "себя в эпохе", обращает ли внимание, в первую очередь, на внешние обстоятельства или на свою внутреннюю самость, на семейные и матримониальные события или на интеллектуальное развитие. Поэтому принятые в ту или иную эпоху, в том или ином социальном слое способы словесного описания — по отношению к тексту дневника — становятся чрезвычайно важными и настолько значимыми, что переформулируют вопрос о достоверности этого вида источников — как недостаток следует оценивать не столько содержащийся в них вымысел, сколько неумышленные или сознательные умолчания.

Дневниковым записям как источнику для изучения повседневности стоит уделить особое внимание хотя бы потому, что сами слова "дневник" и "повседневность" содержат общий корень.

Создавая дневник, человек изо дня в день накапливает в нем факты из своей жизни, свои чувства и эмоции, реакцию на события, произошедшие непосредственно с ним или услышанные им от других лиц, впечатления от встреч и разговоров с другими людьми, надежды на будущее. О подобном тексте можно сказать, что это частица жизни того, кто его создал. Однако это не только лично пережитое. Так называемый индивидуальный жизненный опыт включает разные компоненты. Его можно рассматривать и как преимущественно рассказ о себе, направленный "вовнутрь", и как рассказ о третьих лицах, значимых для автора встречах, то есть рассказ, направленный вовне. Иначе говоря, в любых дневниковых записях, как правило, существуют две повседневности. В них отражена повседневная жизнь окружающего мира и повседневная жизнь автора. Реконструируя их, следует помнить, что дневник не существует изолированно. Он является результатом комплексного взаимодействия материала и потребностей, мотивов, целей автора в момент его написания. Исследователь вынужден иметь дело с двойной селекцией — бессознательной и сознательной.

Связь формы текста с жизненным опытом, процесс отражения опыта в дневниковых записях выступает как проблема обусловленности текста переводом невербальных образов памяти в вербальные образы текста.

Реконструкция личной жизни и судеб отдельных индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся следов их деятельности рассматривается не только как главная цель исследования, но и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. В фокусе исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоционально-духовная жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня.

Содержание дневников как документов личного происхождения часто полифонично: один и тот же автор мог оставить в них свидетельства, существенные для изучения очень разных тем. Поэтому единая общепринятая классификация этого рода текстов не выработана. Наибольшее распространение получила их группировка по двум признакам: преобладанию тематико-хронологического содержания и социально-профессиональной принадлежности автора.

В дневниковых записях имеет место селекция повседневности: текущие события фиксируются выборочно, что определяется свойствами личности их создателя. Дневник выступает средством работы человека с воспоминаниями о происшествиях дня, пропущенными через внутреннюю цензуру, в результате которой дискретные события объединяются в цельное повествование. В этом проявляется "собираательная" роль автора по отношению к хаосу фрагментов повседневности прошлого. Частица повседневной жизни, которую доносит дневник, очерчивается самим автором по его усмотрению.

Ведение подневных записей длительное время свидетельствует о намерении автора писать дневник "для себя", заполнение его страниц

становится не просто привычкой, а постепенно превращается в необходимость, даже в, своего рода, средство нравственной гигиены.

Работая с дневниками Н.Н. Козлова, создала оригинальную методологию изучения повседневности, которую называла “чтением человеческих документов” и которая предполагает тонкую работу с языком, используемым “маленькими людьми”. Причем, как отмечала сама Н.Н.Козлова, — “Поначалу сосредоточенности на вопросах языка и текста не было. Главным казалось то, о чем сообщалось. Тем более, что сообщалось “интересное”, то, чего не замечает История с большой буквы или Большая социальная теория. Тексты виделись объективацией жизненных практик. Они помогали сосредоточиваться на новых предметах. В центре исследовательского внимания стояло то, о чем рассказано или написано, т.е. референт сказанного или написанного: жизненная траектория рассказчика, события, в том числе так называемые исторические, о которых он сообщает, типы повседневных взаимодействий, соотношение биографии “отдельного” человека и изменения общества в целом. Язык рассматривался как средство передачи содержания.

Постепенно проблема того, как именно написано, выходила на первый план. По текстам было хорошо видно, что они представляют собой разные типы письма, которые коррелируют с социальным статусом пишущих. В центре внимания оказывался не сколько референт исследуемых текстов, сколько тип текста как продукта практики письма, взятый в качестве социокультурной симптоматики. Росло понимание того, что “человеческие документы” представляют различные типы письма. Типы письма представляют людей, принадлежащих к разным группам”.

Особый интерес представляют записи людей, стоящих “ниже” порога официальной культуры, которые обычно не оставляют письменных свидетельств о своей жизни. Обычно исследователи проходят мимо них — и не только потому, что пренебрегают повседневностью простых людей, но и потому, что читать такие документы очень трудно. Они написаны “на нелитературном языке”, без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими “ошибками”. Что-нибудь вроде следующего: “Надо отминит

несправедливое указ Сталина и поставить спровидливост раз историе болезни написано инволит отечиствино войны то мы должны быть все одинакова... А сичас что получается инволит войны 2 группы пришил в белой рубашки при галстукe в полботинках А инволит 3 группы в куфайки и кирзовых сапогах. (Письмо в газету "Труд", 1991 г.)".

Или, наоборот, при чтении письма возникает ощущение, будто в человека заложена машинка, которая пишет "за него".

Другой случай, когда обе разновидности письма как бы смешаны: в поток "неграмотной" речи вкраплены клише речи "казенной" (заимствованной из газет, радио и телепередач и т.д.), в "самодельный" язык вставлены слова из "казенного" дискурса. Как правило, это случаи "неуспешного" воспроизведения официальной речи. Так происходит, когда, например, пишущий цитирует газетную статью, а затем переходит на "свое". Есть такие отрывки в тексте одной из "героинь" Н.Н. Козловой — Евгении Киселевой. Вот такой, например: "Одним из критериев основных в выборе партнеров для нас является степень Новизны того или иного Технологического решения нередко такие варианты предлагают средние и даже мелкие фирмы ориентированные в своей структуре на внешний Рынок расширение делового сотрудничества на этом уровне мы также считаем нашим дополнительным резервом. Начерта нам они нужны ихние фирмы, у нас всего хватает наша страна такая богатая мы и без них обойдемся, душегубы проклятые я уже 47 лет плачу, и немогу фильмы смотреть как я уже писала что ихние сапоги с подковами звенять днем и ночу в ушах я кино в Телевизоре выключаю за них". Есть тексты "о жизни", авторы которых приводят обращения в официальные органы, которые они сами туда посылали.

Огромный интерес представляют человеческие документы, где прослеживаются разные типы письма в эволюционной последовательности, например, дневник, который человек вел много лет. Он начинается с самодельного "ручного" письма, а заканчивается "нормальным" литературным.

Литература

1. Ионин Л.Г. Социология культуры. — М.: Логос, 1996. С. 123.

2. Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // *Общественные науки и современность*, 1992, № 3, С. 48.
3. Худенко В. Повседневность в лабиринте рациональности // *Социологические исследования*, 1993, № 4, С. 69.
4. Шюц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*, 1988, № 2.
5. Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. — М., Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.
6. Захаров А.В., Козлова Н.Н. Российские реформы глазами "маленького" человека" // *Российский монитор. Архив современной политики*. Вып. 2. М.: Центр "Индем", 1993, С. 105.
7. 7 Захаров А.В. Массовое общество и культура в России: социально-типологический анализ // *Вопросы философии*, 2003, № 9, С. 16.